

Новое на театральной карте города

«Убедительно прошу ответить, где будет размещаться Московский маленький театр и когда начнет работать?»
Г. КУТАЙГОВСКАЯ.

Хаотическое броуновское движение, столь свойственное обычно молекулам, оказалось в последние время характерным и для московской молодежной театральной ситуации. Молодежь — потому что именно молодые в основном являются инициаторами возникновения многочисленных студий, театров и театров — студий, которые появляются, исчезают, мигрируют — словом, ведут себя вполне по-броуновски. Их точное число не поддается простому арифметическому подсчету, но ходят слухи, что оно достигло уже примерно трех сотен. Из этих трех сотен на зрительском слуху — около десятка. Один из этой десятки — «Современник-11» под руководством Михаила Ефремова. Всего два года назад возник он, и вдруг — раскол. Шесть артистов покинули «Современник-11» и создали свой, новый, Маленький театр.

Как известно, «Современник» — тот, первый, — был основан когда-то выпускниками Школы-студии МХАТ. А МХАТ у нас всегда считался родоначальником различных театральных традиций. Может быть, молодые «современники-11» недавнее разделение МХАТ тоже восприняли как новую историю традиции?

Я стала с художественным руководителем отделившегося Маленького театра Никитой Высоким. Деловая часть нашего разговора выглядела примерно так:

Ю. А.?
Н. В. Мне не хотелось бы вдаваться в подробности насчет нашего ухода. Это дело, в общем семейное, и на суд общественности выносить его не должно. У нас нет никаких претензий ни к Мише Ефремову, ни к Галине Борисовне Волчек. Просто, как называется, не заладилось. Так бывает.

Ю. А.??
Н. В. Нет, правда, ничего скандального в этом нет. Захотелось своего Театра, несколько отделившегося от того дома (или тех домов), откуда мы вышли.

Ю. А. (перейдя с речи мимической на разговорную). То есть, покинув двух домов, вы решили построить свой собственный домик? Маленький?

Н. В. Маленький. Но не домик, не театр — Маленький театр. Хотя название, конечно, не совсем верное. Оно скорее носит, так сказать, оценочный характер, а не выражает сути того, чем мы хотим заниматься в нашем театре. «Маленький» — это не совсем обязательно с небольшой труппой и уж совсем не обязательно для малого количества зрителей. Театр, по моему, вообще не должен быть большим, если это, конечно, не Большой те-

атр. Мы не хотим ограничивать себя, скажем, в численности нашей труппы, но, думаю, чем она меньше...

Ю. А. ...Чем меньше людей, тем меньше мнений?

Н. В. Это тоже. Люди с другим мнением могут ведь создать собственный театр. Например, Малюсенький. Ушли же мы из «Современника-11». Ничего страшного, нормальный театральный процесс... А театр все-таки должен быть единым, все участники его должны исповедовать одну — человеческую и эстетическую — веру. Плюрализм внутри одного театрального коллектива, я думаю, не-

дать как современную путаницу, что вызвало бы у массового зрителя массу положительных эмоций. Но нам бы совсем не хотелось ориентироваться на такого зрителя — этим успешно занимаются другие театральные коллективы. Я думаю, что у нас есть достаточное количество зрителей, которые в театре хотят утолить не политическую, а духовную жажду. И таких зрителей гораздо больше, чем театров, стремящихся к тому же. Есть человек, есть его душа и жизнь этой души. Не понимаю, что может быть важнее этого сейчас, когда все кругом ломается и перестраивается.

Н. В. А как иначе? Это мольеровский Дон Жуан говорил, что верит лишь в то, что дважды два — четыре. На самом же деле в это верить нельзя, это нужно знать. Так что, я думаю, всегда верят в невозможное. Кстати, мне кажется, что способность к верованию, внутренняя религиозность — не самое худшее человеческое качество. И нам хотелось бы, чтобы дух нашего Маленького театра определялся именно этой религиозностью. Религиозностью не в смысле внешней церковной атрибутики, но в смысле состояния души, собственного опьянения не религиозной фанатикой, а истинно верующему человеку. То есть человеку, вера которого помогает ему понять смысл земного его существования и оберегает его от тех поступков, над которыми ни во что не верящий человек просто не станет задумываться. ...Я, может быть, сумбурно изъясняюсь и не совсем точно формулирую...

Ю. А. Давать точные формулировки — дело критики. У меня еще есть вопрос, последний. Уйдя из «Современника-11», ваш театр как самостоятельная творческая единица вошел в состав Московского центра эксцентрики под руководством Жеромского. Каким образом та религиозность, о которой вы говорите, сочетается с эксцентризмом? Нет ли здесь противоречия?

Н. В. Есть, конечно. Извините за банальность, но жизнь — вообще штука весьма противоречивая. Мы не работаем в эксцентрическом жанре, хотя со своей религиозностью и можем в наше политизированное время показаться эксцентрическими... Впрочем, Центр эксцентрики — это ведь концертно — театральное объединение. И очень хорошо, что есть такие организации, которые, подобно центру, дают, так сказать, «кришу» другим коллективам, вроде нашего, не вмешиваясь при этом в их собственный творческий процесс. Да, на наших афишах стоит «Мирка» Центра эксцентрики... Но ведь, кроме того, не имея пока стационарного помещения, мы вынуждены выступать на самых различных сценических площадках. Например, 27 сентября наш спектакль «Тыма» будет показан в Театре на Таганке. И в данном случае я просто не знаю, какого нам следует ожидать зрителя. Такого, кто пойдет на эксцентрику, громкое имя «Таганки» или просто в наш Маленький театр?

Такой вот вышел у нас разговор. Спокойный, без претензий и амбиций, без игры на авторитете той фамилии, которую носит мой собеседник.

Дай бог, чтобы эта интонация и это настроение не растерялись бы Маленьким театром в дальнейшем — в хозрасчетном театральном его будущем. И очень хочется, чтобы у Маленького театра, у маленького театрального корабля было большое, как и положено настоящему кораблю, плавание.

Ю. АПТЕР.

Б Е З ПРЕТЕНЗИЙ И АМБИЦИЙ

плодотворен. Да и вообще, как известно из театральной практики, даже если в труппе сто пятьдесят человек, все равно есть костяк — примерно десять артистов, которые и держат на себе весь репертуар. А если ставится пьеса «многочисленная» — для этой цели можно пригласить артистов «со стороны», по разовому договору.

Ю. А. Костяк без балласта — истощается ли этим название «Маленький»?

Н. В. Разумеется, нет... Сейчас театры почти повально заняты разрешением больших, глобальных, с основным политическим, проблем. В этом смысле проблемы, которые интересуют нас, — это маленькие проблемы. Потому что они касаются не всего нашего общества в целом, а всего-навсего какого-то, условно говоря, одного человека. А один человек — это ведь меньше, чем все общество. Вот мы и говорим: «Маленький».

Ю. А. Иронизируете, стало быть...

Н. В. Не без того... Неловко говорить приличные истины вслух, но отдельный человек — это ведь основа конкретного общества, не говоря уже обо всем человечестве. Я думаю, прежде чем познать общество, хорошо бы познать хотя бы самого себя. И мы в нашем Маленьком театре хотим заниматься именно этим. Политические аллюзии, прямая социальность и публицистика на театре — дело, по моему, прошлое. У нас в репертуаре пока один спектакль, поставленный, кстати, во время нашей работы в «Современнике-11», — «Тыма» по рассказу Леонида Андреева, режиссер — Рашид Турусев.

В нем мы пытались избежать малейших перекличек с сегодняшним временем. Хотя можно было бы, например, про-

Ю. А. Ну да, ломать — не строить, строить — не перестраивать.

Н. В. Вот именно. Я уверен, что никакой съезд никаких депутатов никогда не решит всех проблем. Но отдельный человек обязан это сделать. Сам для себя. Иначе непонятно, для чего жить. У Гогена есть картина «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?». Эти вопросы интересуют наш Маленький театр — и опять же не в политическом, а в смысле изначальном и вечном... И кроме того, если в спектакле есть человек, его душа и жизнь души, тогда актеру есть что играть, есть «куда» совершенствоваться профессионально. И, конечно, человечески. Мы молодцы и не знаем ответов на вопрос, как жить. Но в своих спектаклях хотели бы их если не найти, то хотя бы искать.

Ю. А. Кстати, насчет вопроса, как жить... Как вы действительно собираетесь жить — в материальном отношении — с такой проблематикой? Вряд ли она принесет вам большую прибыль. А вы ведь коллектив — хозрасчетный?

Н. В. Это так, и это, конечно, весьма узкое наше место. Нам, безусловно, нужны касовые спектакли. Но как сделать их без морального ущерба для нас самих? Пока не знаю... Сейчас мы репертуром спектакль «Да воскресенья ты здесь со мной» по пьесам Петрушевской «Чинизано» и «День рождения Смирновой». Затем, вероятно всего, будет «Генрих IV» Пираделло. Пока поработаем, так сказать, для себя, для души. И посмотрим, что будет с касой. Хотелось бы все-таки верить, что зритель относится к театру не только как к синопсическому развлечению.

Ю. А. Почему-то всегда хочется верить исключительно в невозможное.